

Ольга Малинова

Anna Schwenck. Flexible Authoritarianism: Cultivating Ambitions and Loyalty in Russia. Oxford: Oxford University Press, 2024. xiii, 318 pp. ISBN 9780197751596.

Ольга Малинова, отдел политической науки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия. omalinova@mail.ru.

Монография Анны Швенк «Гибкий авторитаризм: культивируя амбиции и лояльность в России» в год ее выхода получила премию Мэри Дуглас – награду Американской социологической ассоциации за лучшую работу по социологии культуры. В основу книги положены наблюдения, сделанные автором в 2013 году в ходе полевого исследования в двух летних лагерях-форумах молодежных лидеров в Красноярском крае и Саха-Якутии. Выросшая из успешно защищенной PhD диссертации, обсуждаемая монография стала результатом осмысления этого материала сквозь призму литературы из разных исследовательских полей. По стечению обстоятельств я была одной из тех, с кем Швенк, готовясь к полемическому исследованию, обсуждала свои планы. Тогда, в 2012–2013 годах, идея немецкой аспирантки стать участницей молодежного лагеря-форума, чтобы провести включенное наблюдение такой практики политической социализации, не выглядела экзотической и оказалась вполне осуществимой. Правда, за время, потребовавшееся для завершения этого проекта, многое изменилось, и книга местами напоминает путешествие на машине времени.

Наблюдения и интервью, собранные в молодежных лагерях, Швенк рассматривает с точки зрения легитимации, то есть «процесса, посредством которого политическое управление оказывается терпимым, приемлемым или получает поддержку у разных групп людей» (с. 2). Справедливо полагая, что легитимация имеет место на разных социальных аренах, Швенк фокусирует внимание на практиках формирования того, что она называет поддерживающим режим «культурным пониманием», на одной из таких арен – в летних лагерях для перспективной взрослой молодежи, которые в то время стали проводить в разных регионах при поддержке государства.

Предлагаемая в книге концепция гибкого авторитаризма – «формы правления, для которой характерно переплетение нелиберальных и авторитарных практик» (с. б), – является и результатом осмысления собранного автором материала, и теоретической рамкой для его описания. Гибкие авторитарные режимы соединяют систематическое пренебрежение подотчетностью и подавление несогласных с использованием нелиберальных технологий культивирования человеческого капитала ради обеспечения экономического роста. По мысли Швенк, феномен гибкого авторитаризма «характерен не только для России и не только для государств, считающихся авторитарными» (с. ix), в силу чего предлагаемая концепция имеет эвристический потенциал и за рамками изученного кейса.

Если авторитарная составляющая данного концепта связывается с систематическим нарушением подотчетности и репрессиями, то его нелиберальный

компонент интерпретируется сложнее. С одной стороны, автор книги, по-видимому, принимает неофукольдианский подход, рассматривающий неолиберализм как склад ума, сформированный глобальным императивом к гибкости – усвоенную готовность приспособливаться к быстро меняющимся требованиям внешнего мира. В условиях, когда экономический рост основан на инновациях, не только государства, но и граждане должны быть гибкими, чтобы оставаться конкурентоспособными. С другой стороны, Швенк не отказывается и от экономоцентрического понимания неолиберализма как экономического проекта, требующего минималистского государства и опоры на саморегулирующую силу рынка. Признавая, что Россия 2010-х годов – отнюдь не идеальный пример применения неолиберальных принципов, она тем не менее отмечает, что в результате изменений в государственной политике россиянам все больше приходилось самостоятельно заботиться о своем профессиональном образовании, здоровье и обеспечении в старости. Таким образом, вполне в духе неолиберальных принципов государство предлагало гражданам брать на себя ответственность за собственное будущее.

По мысли автора, гибко-авторитарный стиль управления искусно применяет эстетику, стимулы и коммуникативные технологии «крутого капитализма стартапов» для формирования лояльности потенциальных стратегических элит. Под такими понимается широкий круг людей, «чей вклад может обеспечить экономический рост, политическую стабильность или научное превосходство – цели, к которым стремится большинство экономик» (с. 7). Для авторитарных режимов поддержка таких элит особенно важна, так как последние служат публичными примерами успеха. Вместе с тем образованные и одаренные особенно чувствительны к ограничениям, обусловленным изъянами политического и социального порядка, что побуждает заинтересованные в повышении глобальной конкурентоспособности государства проявлять особую заботу об их лояльности. Положенный в основу книги кейс летних лагерей для молодежных лидеров – пример именно такого подхода.

Структура монографии мне как политологу, редко имеющему дело с этнографическими и антропологическими исследованиями, показалась необычной и не вполне комфортной: во вводной главе весьма обстоятельно обосновывается концепция гибкого авторитаризма, но отсутствует обсуждение необходимых для понимания исследования методологических деталей – выбора кейсов, методов сбора данных, принципов построения выборки, методики анализа собранных данных и т. п. Хотя достаточно подробное методологическое описание полевого исследования есть в приложении, оно не охватывает представленное в предпоследней главе кейс-стади молодежных инициатив. Чтобы в полной мере понять замысел исследования Швенк, нужно внимательно читать главу за главой, постепенно снимая накапливающиеся вопросы.

Необычна и вторая глава, следующая за введением: она называется «Интерлюдия» и представляет собой рассказ о первых впечатлениях от посещения двух летних лагерей – образовательных форумов «Территория инициативной молодежи "Бирюса"» (ТИМ «Бирюса») под Красноярском и «Саха-Селигер» в Республике

Саха (Якутия). Сознательно открытая, построенная на предположениях интерпретация полученного опыта наглядно демонстрирует творческий метод автора, как бы заменяя стандартное обсуждение методологии. На мой взгляд, такой способ изложения был бы более оправдан, если бы дискуссия в последующих главах непосредственно касалась сформулированных в «Интерлюдии» пазлов.

Третья глава посвящена феномену летних молодежных лагерей, которые, по мысли Швенк, соединяют предпринимательскую культуру стартапов с традицией советских летних лагерей. В этой главе обзор истории молодежных лагерей в постсоветской России плавно перетекает в обсуждение советских практик. По мнению автора, организация отдыха уже в советское время была нацелена на развитие индивидуальной инициативы и самодисциплины, но при этом безусловно включала элементы авторитарного педагогического стиля. Швенк иллюстрирует это примерами из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964, реж. Элем Климов). Опираясь на собственные воспоминания, я бы сказала, что наиболее близким аналогом описанного в книге были не практики обычных «профсоюзных» пионерских лагерей, а опыт «Орленка», вобравший некоторые наработки коммунарского движения, и в какой-то мере «Артека» – «особых» лагерей, ориентированных на воспитание стратегических элит того времени. Возможность возрождения советских традиций автор небезосновательно связывает с изменениями в официальной политике памяти, позволившими интегрировать в арсенал *usable past* элементы советского наследия, отделенные от стержня коммунистической идеологии.

Пожалуй, наиболее интересная часть третьей главы – рассказ о возрождении молодежной политики в Красноярске при губернаторе Александре Хлопонине в середине 2000-х годов. Одним из результатов этого процесса стало создание в 2007 году ТИМ «Бирюса» – одного из двух кейсов, рассматриваемых в книге. По мнению Швенк, этот проект отличался от открытого годом позже «Селигера»: он был задуман скорее в качестве инструмента развития человеческого капитала молодежи как ресурса экономического роста, нежели арены для демонстрации патриотического единства и духа антизападничества в стиле движения «Наши». Этот пример показывает, что идеи молодежной политики в духе «неолиберального реструктурирования» зарождались не только в федеральном центре.

В четвертой главе наблюдения, собранные в «Бирюсе» и «Саха-Селигере», анализируются сквозь призму категории политического спектакля. По мысли Швенк, чтобы продвигаемые властью абстрактные идеи стали осязаемыми, их нужно воплотить в аффективные практики. Она последовательно анализирует дизайн и символическую сценографию (на примере «Бирюсы», потому что у проводившегося в разных локациях «Саха-Селигера» этот аспект выражен не столь выпукло), рутинные процессы и правила, отвечая на вопрос, как формальные аспекты мероприятия формируют символический месседж. Кстати, из этой главы читатель узнает, что на момент написания книги в 2023 году ТИМ «Бирюса» продолжала существовать, а «Саха-Селигер», переименованный в 2016 году в «Синергию Севера», в последний раз проводился еще до пандемии, в 2019 году; а также что в 2014 году в «Саха-Селигере» проводилось дополнительное исследование,

поскольку это оказалось наиболее удобным способом собрать недостающие интервью у прошлогодних участников (с. 71). Как и можно было предполагать, в 2014 году в программе «Саха-Селигера» произошли изменения в сторону усиления патриотической повестки.

Анализируя множество деталей, в четвертой главе автор показывает, каким образом различные аспекты жизни в молодежных лагерях-форумах – символическая организация пространства, дизайн, лозунги, распорядок дня и сопровождавшие его звуковые сигналы, стиль преподавания, визиты «випов», вечерние развлекательные мероприятия и другое – конструировали гибкий авторитаризм как живую политическую реальность. Швенк справедливо отмечает, что формат лагеря идеально подходит для такого рода «постановок»: погружение вырванных из привычной среды участников во временный микрокосм со своими правилами и символическими практиками способствует трансформации личных идентичностей и формирует «сообщества эмоциональной привязанности», способные перерастать в более долговременные узы солидарности (с. 106–107). Эту главу можно рекомендовать как хороший пример политического анализа символических практик.

Пятая глава посвящена анализу 37 интервью с участниками лагерей-форумов. В ней раскрывается «культурное понимание» различных аспектов личной и общественной жизни, на котором, согласно концепции гибкого авторитаризма, основывается лояльность потенциальных стратегических элит путинскому режиму. Обсуждение строится вокруг трех основных тем, которые автор последовательно встраивает в свой аналитический нарратив. Во-первых, в представлениях информантов критика недостатков жизни в России – коррупции, фаворитизма, вопиющего неравенства, пассивности и эгоизма большинства – парадоксальным образом сочетается с лояльностью политическому режиму и оправданием авторитарных практик. Во-вторых, изменения к лучшему информанты связывают не с коллективными политическими действиями, а с развитием собственных компетенций и навыков, а также с расширением круга равнодушных и социально активных людей, заботящихся об общем благе. Возвращаясь к этому сюжету в разных частях книги, Швенк интерпретирует данное обстоятельство с удивлением и едва ли не с осуждением. Однако если всерьез принять вторую часть термина «гибкий авторитаризм» и вспомнить, что речь идет о контексте, в котором каналы независимой политической активности существенно ограничены, нельзя не согласиться, что стратегия «малых дел» вполне соответствует «режимным» обстоятельствам. Можно вспомнить и старые споры дореволюционной интеллигенции, в которых либеральным защитникам «теории малых дел» противостояли «пламенные революционеры». Глядя из XXI века, исторический исход этих споров трудно назвать оптимальным. В-третьих, из интервью вырисовывается специфическое понимание патриотизма: оно основано на приверженности родному месту и выражается в стремлении способствовать его развитию. Швенк выделяет несколько составляющих в такой концепции патриотизма: установку на активную деятельность во имя общего блага; гордость своей готовностью оставаться «здесь», а не «там», где жизнь предположительно лучше; наконец, сознание собственного

превосходства над безразличными и пассивными согражданами. Вместе с тем автор отмечает, что в собранных интервью была слабо выражена другая распространенная составляющая патриотизма в России – тоска по великодержавному статусу. Анализ интервью хорошо показывает, как установка гибкого авторитаризма на стимулирование амбиций ради инновационного экономического роста помогает укреплять лояльность потенциальных стратегических элит.

Шестая глава представляет собой отдельное исследование, не связанное непосредственно с полевыми наблюдениями в летних лагерях-форумах. Оно посвящено анализу двух «расследовательских» (*vigilante*) общественных инициатив, которые, согласно интерпретации автора, маркетизируют и популяризируют «идеалы неотрадиционной и неолиберальной модернизации» (с. 159) – проектов «СтопХам» и «Лев против». Первый из них боролся с хамством на дорогах и несоблюдением правил дорожного движения, второй – с курением и распитием алкогольных напитков в общественных местах. Оба проекта активно использовали возможности социальных сетей и YouTube, зарабатывая на просмотрах видеозаписей своих акций. Согласно интерпретации Швенк, подобные проекты «выполняют идеологическую работу в поддержку режима гибкого авторитаризма» (с. 161), поскольку пропагандируют идеалы консервативной морали для не слишком склонной к соблюдению традиций возрастной когорты; при этом они упаковывают идеалы права и порядка в формат развлечения в социальных медиа. Правда, не вполне понятно, как в эту интерпретацию вписывается тот факт, что в сентябре 2018 года Мосгорсуд ликвидировал движение «СтопХам», удовлетворив иск Главного управления Минюста России по Москве, мотивированный нарушениями в предоставлении отчетности¹. В книге этот факт не обсуждается. Анализируя видеоролики проектов «СтопХам» и «Лев против», автор обнаруживает в них ту же тенденцию переключения ответственности за социальное зло на индивидуальных граждан, что и в интервью. Еще одно подтверждение связи обсуждаемых в шестой главе проектов с феноменом гибкого авторитаризма усматривается в конструируемом «бренде» разоблачительства – фигуре маскулинного героя, сочетающего качества успешного антрепренера и патриота, заботящегося о благе России. Первоначально опубликованная в виде журнальной статьи, данная глава связана с основным содержанием монографии концепцией гибкого авторитаризма. Тем не менее, как отмечалось выше, логика этой связи не вполне понятна, так как во введении структура книги не обсуждается.

В заключении автор возвращается к обсуждению концепции гибкого авторитаризма как теоретической конструкции для понимания современных авторитарных режимов. Гибкость как составляющая этой конструкции предполагает заинтересованность государства в творчески мыслящих, предприимчивых и инициативных гражданах при условии их полной лояльности. По мнению Швенк, такая тенденция характерна не только для России, но и для таких стран как Китай или Венгрия.

---

¹ «Движение “СтопХам”», РИА Новости, 3 марта 2020 г., <https://ria.ru/20180921/1529072773.html>.

Представленное в книге исследование помогает понять, как устроен механизм политической социализации, предполагающий поддержку амбиций потенциальной стратегической элиты и в то же время укрепление ее патриотических устремлений и преданности государству, а также как он работает на легитимацию сложившегося порядка. Мне представляется, что эта монография полезна именно в части понимания связей на уровне социально-культурных практик. Встречающиеся в некоторых рассуждениях Швенк притязания на развитие теории авторитарных режимов кажутся мне менее обоснованными: в этом отношении возникает слишком большой разрыв между уровнем наблюдений и предлагаемыми обобщениями.